

Часть первая

ГЛАВА 1

Ворота в гараж приоткрыты, слышны голоса — Степа что-то говорит, а девка хихикает. Против женщин Гарик ничего не имел, как раз наоборот, их общество приятно волновало его. Но не здесь и не сейчас. Гараж — святая святых, и дамам здесь не место. Оттолкнув ногой притершуюся к ней кошку, он крепко взялся за дверную скобу, напряг мышцы руки, пытаясь унять раздражение.

Успокоился, открыл створку ворот, зашел в гараж. Так и есть, Степа за рулем багги, а рядом на штурманском месте восседает Машка. Волосы растрепаны, помада на губах размазана, бесформенные пятна пунцового румянца на пухлых щеках растеклись до самых ушей. Голова откинута, глаза полузакрыты, рот разинут. Старое ситцевое платье трещало по швам под натиском пышного бюста и жирной мякоти боков. Степа одной рукой держался за баранку, другой шарил у нее под подолом, в раздолье бесстыже разведенных ног. Оба были так увлечены, что и не заметили Гарика.

— Я вам не помешал? — невозмутимо и в то же время жестко спросил он.

Степа испуганно встрепенулся. Плечи провисли вперед, голова слегка опустилась, губы скривила вымученная улыбка. Но глаза как были, так и остались шальными.

— Это, мы тут с Машкой... А что, нельзя?

— Можно. Машку за ляжку, — отчеканил Гарик. — Но на другом возу.

В армии он еще не служил, от пятидневных учебных сборов откосил по причине плоскостопия. Но среди его приятелей был Колька Груздь, он-то и рассказал, что говорил его старшина, когда обращение к нему начинали с «можно» вместо «разрешите».

— Но Машка хотела... — замямлил Степа.

— Машка всегда хочет, — оборвал его Гарик. — И всем дает.

Девушка уже вылезла из машины; стоит, опустив голову, разглядывает грязь под ногтями. И даже не пытается протестовать. Да, всегда хочет; да, всем дает... Но если бы Машка была образцом непорочности, Гарик бы все равно возмутился. Женщина и его багги — две несовместимые вещи. Та же Машка могла накликать беду.

— Извини, брат, — уныло вздохнул Степа.

— Огнетушитель с тебя, тогда в расчете, — сухо сказал Гарик.

— Что лучше, вермут или портвейшок? — оживился парень.

— Какой портвейшок? Обычный огнетушитель, автомобильный...

Гарик бы не отказался от портвейна, но сейчас его больше волновал огнетушитель, без которого его багги не допустят к соревнованиям.

Будь на месте Степы кто-нибудь другой, Гарик бы уже давно пустил в ход кулаки. Но, во-первых, они друзья. А во-вторых, посторонний человек просто-напросто не попал бы в гараж, поскольку ключ только у Гарика и еще двух человек из его команды.

— А я могу бормотухи принести, — виновато, но вместе с тем игриво улыбнулась Машка.

Отпусти браткам грехи

— И Ленку с Тонькой, — шельмовато улыбнулся Степа.

— Повода нет, — мотнул головой Гарик.

— Как это нет? Аппарат готов! Обмыть надо.

— Еще не готов. Крыло поставим, тогда готов.

Готовых крыльев для багги в продаже не было, их приходилось делать самим из дюралюминиевых листов. И обшивка рамы самодельная, из того же материала. Резать металл приходилось самим, и гнуть его, и алюминевыми заклепками крепить к стальным трубкам-каркасам... Основная часть работы уже позади, осталась мелочь.

— Ну, так поставим и обмоем, не вопрос! — не унимался Степа.

— Обмоем, — кивнул Гарик. — Как все сделаем, так и...

Договорить ему помешал ворвавшийся в гараж желтолицый старик с клюкой. Глаза навывкате, щеки раздуты, подбородок трясется — то ли от негодования, то ли от немощности; скорей всего, и от того, и от другого.

— Вот они, товарищ капитан! Вот они!

Гарик уважал старость, к тому же он знал деда. Петрович с улицы по соседству, подпольная кличка — Пердович. Но тот совершил недопустимую оплошность — ударил палкой по фаре. Гарик не выдержал и схватил его за грудки.

— Отставить! — гаркнул вошедший в гараж офицер в форме капитана милиции.

Гарик разжал руки, оттолкнул старика от себя.

— Видите, товарищ капитан! — взвыл тот. — Видите, что вытворяют, сволочи!

Подбородок затрясся еще сильнее, с губ на белый парусиновый пиджак свесилась жирная нитка слюны.

— Я сказал, отставить! — тем же грозным голосом повторил милиционер.

Немолодой мужчина, среднего роста, кряжистый. Черты лица резкие, волевые. Форма на нем была мятая, но, глядя на него, можно было подумать, что только в таком виде она и носится.

— Он меня ударил! — угрожающе взмахнув клюкой, взвизгнул Пердович.

— Разберемся.

— И машину мою он украл!

— Но я не вижу здесь вашего «Запорожца».

Офицер с интересом рассматривал машину.

— А они его разобрали! — вопил старик. — Страшилище из него сделали!

— Да нет, не страшилище, — не согласился капитан.

В гараже не хватало света, он не поленился — распахнул вторую створку ворот. Похоже, багги ему нравился.

— Да вы только посмотрите на них! Это же типичные уголовники! И шлюха с ними! Развели малину! Я за ними давно смотрю!

Машка не отличалась сообразительностью, но все же до нее дошло, кого назвали шлюхой. Если бы Гарик ее оскорбил, она бы стерпела. Но желчный Пердович не был для нее авторитетом.

— Кто это шлюха?! — с визгом возмутилась она.

И с угрожающим видом шагнула на деда. Испугавшись, он пятился от нее, пока не убрался из гаража. Машка продолжила бы наступление, если бы офицер не остановил ее движением руки.

— Кто такая?

— Маша я.

— Тихо, Маша...

— Я Дубровский, — хмыкнул Степа.

— Разве я давал тебе слово? — жестко глянул на него капитан.

Отпусти браткам грехи

— Но я правда Дубровский... То есть Домбровский, — смущенно проговорил Степа.

Ростом он был на целую голову выше милиционера и в плечах пошире. Одним словом, амбал. И в драке всегда первый. Но с той же легкостью, с какой крушил вражьи челюсти, он попадал под влияние сильных людей. Капитан смог произвести на него впечатление, и, можно не сомневаться, Степа не посмеет бунтовать. А к старику его лучше не подпускать: убить может.

— Домбровский, Домбровский. Что-то знакомое... А ты кто?

Офицер пристально смотрел на Гарика, но тот выдержал его взгляд.

— Серегин моя фамилия.

— И про Серегина слышал...

— А вы, простите, кто? Я вас не знаю.

— Капитан Шишов, ваш новый участковый. Старый участковый про вас рассказывал... Общественный порядок нарушаем?

— А пусть не лезут, — сказал Гарик, исподлобья глянув на капитана.

Были у него приводы в милицию. Район у них маленький, но беспокойный. Деревообрабатывающий комбинат и автобаза, рабочие общежития, ветхий жилфонд, частные халупы, оставшиеся с послевоенных времен; одним словом, трущобы. А рядом, особняком, спальный микрорайон, сплошь высотные крупнопанельные дома. Все это так называемый восьмой район города. Два кружка, из которых состоит цифра «восемь». Рабочее гетто и оазис благополучия, и везде свои отчаянные головы. Одна школа на всех, одно профтехучилище, один клуб с дискотекой и танцплощадка. «Старые» на «новых», «новые» на «старых», драки, поножовщина — обычное дело. Один раз Гарик лежал в больнице с раной в боку: ножом полоснули; второй —

с проломленной головой и треснутым ребром. Синяки, ссадины, выбитые зубы, шрамы от цепей и кастетов — не в счет. И от милицейских нарядов убегать приходилось, увы, не всегда удачно.

— Эх, пацаны, пацаны, так ведь и до беды недалеко, — покачал головой капитан.

— Да мы пацаны мирные, это «новые» борзеют, — угрюмо сказал Степа.

У него тоже были шрамы — и после драк, и после общения с представителями закона.

— Сколько у вас уже предупреждений? — насмешливо глянув на него, спросил Шишов.

— Если на всех, то много.

— И если на каждого, тоже много, — кивнул Гарик.

— Так ведь и до тюрьмы допрыгаться можно... Что это у вас такое?

Капитан нежно провел рукой по шероховатой поверхности верхней дуги безопасности.

— Багги, — с гордостью сказал Гарик.

— Собственного производства, — добавил Степа.

— Да вижу, что не заводского... Какого класса? Нулевого?

— Зачем нулевого? — оскорбленно протянул Гарик. — Нулевой — это мотоциклетка. А у нас первого класса, чисто на базе «Запорожца»...

— Ну вот, сам и признался, что «Запорожец», — совсем не весело усмехнулся Шишов.

— Ну, «Запорожец», ну и что? Так мы на барахолке все брали. Двигок, коробка, ходовая, все оттуда...

— А у гражданина Хоркина пропал автомобиль марки «АЗ-968».

— Да, но паспорт у него на машину остался. Пусть несет, сверим номера двигателя, в чем вопрос.

Гарик не отличался примерным поведением. Директор школы втайне перекрестился, когда он после

восьмого класса поступил в профтехучилище. Там, правда, он был на хорошем счету, потому что любил автодело, которому обучался. Последний год подрабатывал на автобазе слесарем, на полставки. В свободное время, когда не занят был в своем гараже, куролесил. Дискотеки, драки, пьяные выходки... И чего уж греха таить, посматривал он на «Запорожец» Пердовича, стоящий на приколе без колес у ворот его домика. Но все-таки удержался от искушения, поэтому совесть у него чиста.

— Ты в этом уверен? — внимательно посмотрел на него капитан.

— Абсолютно.

— Ну хорошо... Анатолий Петрович!

Старик зашел в гараж — с опаской и плохо скрытым благоговением перед Машкой.

— Паспорт транспортного средства у вас? — спросил участковый.

Пердович мотнул головой и отправился домой за документами. А капитан снова обошел машину.

— Красота.

— Еще не совсем готова.

— Но уже на ходу?

— Само собой.

— Мощность движка?

— Шестьдесят лошадок. По стандарту сорок, но мы на пятьдесят процентов увеличили.

— Интересно. И как это у вас получилось?

— Да просто. Дело мастера боится, — самодовольно улыбнулся Гарик. — Поршни шатунами подогнали по массе, сбалансировали коленчатый вал с маховиком и сцеплением... Выпускную систему перенастроили... В общем, мотор — зверь!

— Неплохо, неплохо. Коробка тоже зазовская?

— Ну да. Мы ее тоже усовершенствовали.

Стандартная коробка передач мало подходит для кроссового авто. Четвертая передача практически не нужна, а интервал передаточных отношений между второй и третьей скоростью слишком большой. Пришлось Гарику ставить шестерню третьей передачи вместо четвертой, а вместо третьей — зубчатую пару кустарного производства... Все по уму сделано, качественно и надежно. Впрочем, кросс покажет, что да как...

— Сами все собрали? — спросил Шишов.

— От «а» до «я».

— Испытывал?

— Нет. Но через две недели соревнования.

— Где?

— У нас, на автодроме.

— Где это у вас?

— Автобазовский автодром, — без воодушевления сказал Гарик.

Автобаза, где он работал, была самой крупной не только в городе, но и в области — только дальнобойных грузовозов более пятидесяти единиц. Но полигон на пустыре язык не поворачивался назвать автодромом. И тем не менее он имел место быть на бумаге, более того, при нем даже была организована секция автогонок. Возглавил ее энтузиаст дядя Костя, в прошлом призер союзного первенства по трековым гонкам. Тренер бросил клич, Гарик откликнулся — собрал свой первый багги на базе допотопного мотоцикла, но машина не выдержала испытания гонкой, рассыпалась в прах на третьем заезде по бездорожью автодрома. Но Гарик человек упрямый, вместе со своими друзьями он фактически с нуля собрал вторую машину. Скоро соревнования, к этому времени он должен обкатать аппарат, подготовить его к заезду. Уровень состязаний — любительский, но конкурентов будет немало.

— Враги ваши тоже участвуют? — спросил участко-

вый с таким видом, будто речь шла о чем-то самом обыденном.

— Какие враги?

— Насколько я знаю, вы их «новыми» называете.

— «Новые»?!. Да, «новые» будут. Две машины выставят, а может, и три...

— Где отношения выяснять будете, на трассе или в поле? — мрачно усмехнулся Шишов.

— На трассе, — серьезно сказал Гарик.

И мысленно добавил, что, скорей всего, и в поле. Если победят «старые», на них ополчатся «новые», если наоборот, то реванш захотят взять «старые».

— Правильно, кто сильнее, нужно решать в честном споре, — назидательным тоном сказал участковый. — Когда соревнования?

— Восемнадцатого июня.

— Приду, посмотрю... Если, конечно, агрегаты на машину не ворованные...

Старик Пердович принес паспорт, Шишов сверил номера двигателя и шасси, но сходства не нашел.

— Неплохой ты парень, Серегин, и не хотелось бы, чтобы тебя тюрьма воспитывала...

— А что я такого сделал? — надулся Гарик.

— На учете ты состоишь, предупреждениями оброс. Делом, смотрю, занимаешься, вот и занимайся. А в драки не лезь. Ты меня понял?

— Понял.

Гарик не хотел в тюрьму и предостережение капитана Шишова воспринял всерьез, но...

Они со Степой ваяли крыло для багги, когда в гараж влетели Тема с Михой. Один худенький, но шустрый, другой крупный, но в быту малость неповоротливый — зато в драке быстрый и резкий, как взбешенный медведь.

— Гарик, нашли козла! — сообщил запыхавшийся Миха.

Черные волосы взерошены, скуласто-щекастое лицо в пыли и бороздках, которые оставляли скатывающиеся со лба капли пота. Глаза большие, с длинными и пышными, как у бабы, ресницами, горячечный блеск в них.

— Седьмая школа, в спортзале они там сейчас, — добавил Тема.

Маленький, рыжий, с бесцветными глазками. Распухшая губа, под глазом фингал. Одет не лучше и не хуже других — несвежая клетчатая рубаша и темно-синие брюки из комплекта пэтэушной формы, запыленные туфли со сбитыми носками и надорванной подошвой.

— Седьмая школа? Не близко, — заметил Гарик.

— Ничего. До остановки пешком, а там на автобусе, через двадцать минут будем на месте...

— А они точно сейчас там?

— Тренировка у них. Еще час там заниматься будут, — пояснил Тема.

Позавчера он вечером гулял по центру города, с девчонкой какой-то, говорит, задружил. Проводил ее домой, а по пути к автобусной остановке нарвался на каких-то спортивных ребят. Слово за слово, удар ногой в живот, добавочный — в лицо. В общем, сбили Тему с ног, намяли бока... Обидчиков он запомнил в лицо, вчера и сегодня с утра вместе с Михой искал их в центре города. Похоже, нашел.

— Тренировка? Чем они занимаются?

— Да ерунда, карате, — небрежно махнул рукой Тема.

— У тебя эта ерунда под глазом светится, — усмехнулся Гарик.

— Так их пятеро было. Я одному в глаз так зарядил... — начал было парень.

Но Гарик его осадил.

Отпусти браткам грехи

— Хорош трепаться. Давай за Ромчиком иди, он сейчас дома, после вчерашнего. А ты, Миха, давай за Колькой...

Гарик умел все — и до победы драться, и проигрывать. Поэтому его не пугала предстоящая разборка с каратистами. Возьмут верх — отлично, нет — в следующий раз большую толпу соберет, реванш брать будет. А то, что в нос получить можно или в печень, так это дело житейское... О том, что драку вообще не следовало затевать, Гарик не думал. Какие-то ублюдки обидели человека из его команды, он обязан был отомстить им. А то, что Шишов сказал, так это сейчас не имело для него никакого значения...

Он успел собрать толпу, привел ее к седьмой школе. Полдень, солнечно и жарко. Воскресный день, четырехэтажное здание пустует, на спортивной площадке никого, кроме девяти человек из команды Гарика. Некому бросать мяч в баскетбольное кольцо с дощатым щитом, в волейбол никто не играет, турник пустует. Парням сейчас не до развлечений. Асфальт под ногами нагревает не только солнце, но и рвущаяся наружу энергия боевого духа. Стальные прутья, цепи — все это пока в сумке, чтобы не привлекать внимание со стороны. Кастеты и ножи в карманах. Нельзя трогать «восьмой» район, за это бьют смертным боем. И горе тому, кто этого не понимает...

Каратисты выходили из зала небольшими группами. Фирменные джинсы, стилижные футболки, кроссовки, почти у всех модные спортивные сумки. Приличные парни из благополучных семей. Они не знают, что это такое — двухэтажные дома без удобств и с печным отоплением, когда вода и сортир на улице, а дрова нужно таскать из сарая по скользкой, а порой и обледеневшей дорожке. Их отцы не жрут водку с утра до вечера, не бьют своих жен и сыновей почему зря, им не при-

ходится жить в нищете, голодать, не зная, на что купить обувь и одежду... Так думал Гарик, с неприязнью рассматривая благообразных мальчишек. Им было лет по пятнадцать-шестнадцать, высокие, крепенькие, чувствовалось, что им неведомо такое понятие, как дефицит веса. Возможно, они были отличными бойцами, но Гарик не видел в них серьезного противника. Да, они умеют кричать «кия», могут высоко махать ногами, молотить по макиварам, соперничать друг с другом в бесконтактных поединках, но им неведом такой стиль, как уличная драка...

— Идут! — взвелься Тема.

Из дверей спортзала на широкое крыльцо вышли высокие, спортивного сложения ребята лет восемнадцати. Шесть человек, один с фингалом. Пыльный ветер швырнул обрывок газеты к их ногам, но никто из них не обратил на него внимания. Парни видели перед собой компанию, символом враждебных намерений которой был Тема.

— Это что такое? — дрогнувшим голосом, но напоказ самонадеянно спросил светловолосый кучерявый паренек с длинным и еще не искривленным носом.

— А ты не знаешь? — хищно сощурился Гарик.

Когда-то давно он как огня боялся драк. Боялся, но выходил против обидчиков. Мысли путались, руки дрожали, ноги подкашивались. Но ничего, со временем справился с трясучкой, научился думать быстро, а бить точно. Сейчас он всего лишь опасался противника, и это никак не отражалось на его поведении. Он смело и уверенно смотрел на кучерявого, заставил его отвести в сторону взгляд.

— Тема? Эти?

— Они, падлы... Этот ногой ударил.

— Удар новый отрабатывал, сука? — жестко спросил Гарик.

Отпусти браткам грехи

— А ты чо, борзый? — завелся кучерявый.

И он, и его дружки уже поняли, что драки не избежать. Более того, это осознали парни помоложе из тех, что не успели далеко уйти. Они уже шли к своим старшим товарищам... Но Гарик уже исчерпал словесную часть разговора. Далее в ход пошел силовой аргумент.

Он резко подался вперед и, не поднимая рук, в своей излюбленной манере ударил кучерявого лбом в нос. Тот даже не успел поставить блок или хотя бы податься назад. И удар выдержать не смог, с воем присел на землю, хватаясь за приплюснутый нос.

— Гаси каратюг! — заорал Тема.

Гарик заметил, как пригнулся он, пропуская над головой чью-то ударную ногу.

Миха в свою очередь заставил пригнуться противника и даже получил кулаком в пах, но это его лишь еще больше разозлило. Кулаки закрутились в бешеной карусели, каратист пытался что-то предпринять, но ему явно не хватало той силы натиска, которой обладал Миха... И Степа знал свое дело, и Ромчик, и Колька, и все остальные. Но и каратисты кое-что соображали в кулачном бою. Драка завязалась нешуточная.

— А ну прекратить! — услышал Гарик грозный мужской голос.

И тут же в правом ухе зазвенело. Кто-то из каратистов заехал ему ногой в ухо. Но противнику не хватило мощи, чтобы сбить его с ног, зато он смог взять ногу в захват. Дальше проще, удар коленкой в пах...

— Да что это такое!

Он увидел несущегося на него разгневанного мужчину в распоясанном кимоно. Сообразил, что это тренер каратистов. Но не смог остановиться. И когда тот подскочил к нему, чтобы оторвать от своего ученика, со всей силы двинул его локтем в подбородок.

— Ах ты, ублюдок! — рассвирепел тренер.

И в свою очередь ударил его раскрытой ладонью по шее.

В этот раз у Гарика зазвенело в обоих ушах, в глазах заплясала Большая Медведица, в мышцах рук образовалась вдруг предательская пустота, коленки подкосились. Ему стоило труда удержаться на ногах.

Это был нокаут. И если бы тренер провел удар на добивание, Гарик бы сейчас лежал пластом.

— Хватит! — гаркнул мужчина.

Драка прекратилась, враждующие стороны разошлись. И только Гарик не хотел останавливаться.

— А пошел ты на...!

Это был явный перебор с его стороны, но такой уж он человек — если драться, то до конца.

— Что?

Тренер попытался схватить его за шкурку, но, похоже, он так и не понял, с кем имеет дело. Он неосторожно подставил свое лицо под удар, и Гарик провел свою «коронку» — головой в нос.

Удар оказался настолько мощным, что на какое-то мгновение он сам потерял сознание. В себя пришел по пути к земле и каким-то чудом сумел восстановить равновесие. Тренеру же совсем не повезло. Он сидел на корточках, ладонями сжимая расквашенный нос. Завидев, что Гарик поднялся во весь рост, также попытался встать, но, покачнувшись, вернулся в униженное положение.

Добивать его Гарик не рискнул. Да и зачем, если каратисты в замешательстве, желания продолжать бой у них нет. И тренер их в полном ауте. Значит, победа...

— Знай наших! — торжествующе усмехнулся он и, пошатнувшись, повернулся к противнику боком.

Пора уходить...

Только по дороге домой он понял, что сумка с «ин-

струментом» осталась нетронутой. Не понадобились его парням пруты и цепи, без этого справились с каратистами. Это ли не победа...

ГЛАВА 2

Мама чуть не плакала, глядя на него. Пьяный, побитый, в разорванной рубаше, в глазах идиотское счастье.

— Ну и на кого ты похож? — распекающим тоном спросила она.

Ей было всего сорок, но выглядела больше чем на пятьдесят. Морщинистый лоб, землистого цвета лицо, оплывшие щеки в сизых прожилках, красные от лопнувших капилляров глаза. Старый затертый халат, расклеенные шлепки на босу ногу. А полы в квартире ступенные даже летом, в самую жару.

— На отца! — вставила слово сестра.

Настя всего на три года была старше Гарика, но уже успела побывать замужем и развестись. В память об этом событии у нее на руках осталась двойня. Лешуку и Даниилке по годичку; смышленные малыши, но вечно голодные. Жить ей негде, кроме как у родителей.

А квартира маленькая, всего две комнаты. Одну, самую крохотную, занимала она со своими «спиногрызами», а Гарика приходилось делить гостиную с родителями. И в тесноте, и в обиде...

— Дома жрать нечего, а он деньги пропивает! — не унималась Настя.

Она была худенькой, тонкошейей, но — непонятно почему — щекастой. И когда она говорила, то становилась похожей на жующего хомяка.

Не понятно, на какое слово отреагировали Лешик с Даниилкой — «жрать» или «деньги», — но взвыли они

хором. Глаза в слезах, сопли до пола, босые ноги в цыпках.

— Ты дура, — нахраписто глянул на сестру Гарик. — Почему дети босиком?

— А обувь потому что не во что! Все деньги пропираете! — ничуть не смутилась Настя.

— На свои пью, — буркнул Гарик.

Он действительно был под градусом, но не настолько, чтобы отключилась соображалка.

— Ага, и отец так говорит! А в доме шаром покати!

— Ладно тебе...

Он достал из кармана три смятые рублевки.

— На тебе... Послезавтра зарплата будет...

— Да иди ты!

Настя оттолкнула его руку, купюры вывалились из нее, просыпались на пол. Только тогда он сообразила, что поступила глупо, нагнулась, собрала деньги.

— Эх, Игорь, Игорь, — сокрушенно покачала головой мама.

— Нормально все... С завтрашнего дня ни-ни!

— Кто б зарекался, — презрительно фыркнула Настя.

— А я сказал, ни-ни...

Крыло на багги сегодня так и не поставили, но повод выпить все же нашелся — нельзя было не обмыть победу над каратистами...

На танцы не пошли — нечего синяками светить на радость «новым». Разместились за самодельным столиком в любимом овраге; Машка и вина принесла, как и обещала, и подруг своих привела. Гарик не прочь был повеселиться, но даже после водки он не смог залезть к Ленке под юбку. А Тонька была еще страшней... Так и ушел домой ни с чем. Пьяный, но не удовлетворенный...

А пить действительно больше не надо. Ни к чему хорошему это не приведет: сопьешься, и вся жизнь на-

перекосяк. Тем более что цель у него в жизни появилась — автогонщиком стать. Есть первые успехи, есть перспектива... Обычную машину можно водить и пить между делом, а трековые гонки — дело серьезное, там навеселе многого не добьешься...

— Спать пойду...

Из тесноты коридора Гарик прошел в комнату, где стояла его раскладушка. У мамы большие руки, стирает она редко, поэтому белье не свежее, но ему все равно.

Убогая комната, нищенская обстановка, запах помоев, потому что через окно по несколько раз на дню прямо на улицу выплескиваются нечистоты. Жарко, душно, даже воды не попьешь, потому что для этого во двор идти надо. Про еду и говорить нечего, на кухне из мясных блюд только тараканы... И что это, спрашивается, за жизнь?

Гарик лег на раскладушку, заложил руки за голову, закрыл глаза. Сам он так жить не будет. Будет крутить баранку на дальнебойном грузовике, хорошо получать. Выиграет первенство Союза по автогонкам, за что получит квартиру в центре города. Женится, заведет детей, будет жить как человек... Лишь бы не спиться.

Жарко. И окно не откроешь: во-первых, с улицы вохнет, а во-вторых, Настины дети сквозняка боятся. Были бы двери в комнатах, так нет ничего... И спать не хочется. Вроде бы и клонит в сон, но что-то не дает покоя.

Новая жизнь маячит на горизонте, но не ухватиться за нее руками, если стоять на месте. Крыло для машины надо было сделать, а он дурью весь день промаялся. А до соревнований осталось всего ничего...

Гарик даже протрезвел от мысли, что может не успеть к заезду. Вскочил с раскладушки, вышел в прихожую.

— Что, мало налили? — язвительно крикнула вслед Настя.

Но Гарик не обратил на это внимания. Вышел из дома, пересек захламленный, поросший травой и загаженный куриным пометом двор. Ночь, фонари есть, но все лампочки разбиты. В темноте смутно угадываются очертания приземистого, давным-давно и на тяп-ляп возведенного строения, занятого под гаражи и сараи; длинное, одно на всех жильцов четырех-, двухэтажных домов. Кто-то мотоцикл здесь держит, большинство домашний хлам хранит, а у кого-то и куры под замком во сне подкудахтывают. У Гарика в гараже машина, гордость кустарного автопрома. Друзья, конечно же, помогают ему, но что уж и говорить, все держится на его энтузиазме. Степе, Михе и Ромчику больше нравилось над боксерской грушей в сарае издеваться. И в училище они ходили под принуждением, и романтика больших дорог прельщала их мало. Так и пропадут в этой жизни, пьянки-гулянки, толстые потные жены...

Гарик открыл гараж, включил свет. Стоит его ласточка, тускло поблескивая дюралюминиевыми боками. Крыла одного нет, но это не помеха. Хоть сейчас можно сесть за руль и отправиться в путешествие по ночному городу. Бензин в баке есть, на пару часов хватит... Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не сдаться на милость авантюрной идее. На пьяную голову можно бед натворить. И не для того он сюда пришел, чтобы ночные гонки устраивать. Крыло надо доделать, тем более что немного осталось...

Старые, с оторванными креплениями часы «Слава», приклеенные к стене суперцементом, показывали половину второго, когда крыло наконец встало на место. К этому времени хмель из головы почти выветрился, но Гарику хотелось спать, и он позволил себе лишь завести машину, чтобы послушать, как она работает. Впрочем,

он тут же заглушил мотор, поскольку его самого смутил высокий уровень шума. Ночь, люди спят, а завтра рабочий день — у всех, и у него, кстати, тоже. Сейчас у него выпускные экзамены, к которым он совершенно не готовился: в любом случае «уд.» гарантирован. Закончит училище, в июле отметит совершеннолетие, после чего, возможно, получит грузовик в свое пользование. Шоферить будет, пока по «малому кругу», а со временем на дальнбой выйдет. Обучение у него было серьезное — в правах открыты все категории от «А» до «Е»...

Он уже собирался идти домой, когда к нему в гараж неожиданно-негаданно пожаловала гостья. Он оторопел, глянув на представшую перед ним женщину.

Не молодая уже дама, явно за тридцать, но как ухожена, как одета. Роскошный парик с кудряшками светло-серых волос по самые плечи, красивое широкое лицо, крупные густо намалеванные глаза с надломленными верхними веками, большой рот, жирно покрашенные губы. Грудастая, широкобедрая, животик аккуратный, без жировых наслоений. Красное, средней длины платье на одной бретельке, белая сумочка и туфли того же цвета на высоком каблуке. Знакомый запах «Красной Москвы», который раздражал, когда им душилась Настя, — сейчас же он казался верхом совершенства, хотя и был смешан с коньячным амбре.

— Привет! — опершись рукой о верстак, шаловливо хихикнула она.

Гарик догадался, что женщина пьяна. Это придало ему смелости.

— Здравствуйте, — кивнул он.

— Здравствуйте? — дурашливо возмутилась она. — Разве я такая старая, что ты со мной на «вы»?

— Нет, просто где-то я вас видел...

Лицо действительно знакомое.

— Не узнаешь?

— Может, в «Огоньке».
— В «Работнице», — хмыкнула она.
— Что, правда в «Работнице»?
— Ага, сейчас... Соседи мы. Инга меня зовут. Из первого дома я.

— А я из третьего...
— Знаю. Мне Маринка все уши прожужжала... Ничего, если я присяду? — Она взглядом показала на штурманское сиденье.

Гарик думал не долго. Казалось бы, женщина в его багги — к несчастью: сегодня он в том убедился. Не успел выгнать из машины Машку, как появился участковый с претензиями и нравоучениями... Но то Машка, а это, пожалуй, лучшая из женщин, что встречал он в своей жизни.

— Конечно!

Посадка у багги низкая, дверей нет — он только подал Инге руку, а она уже сидела в машине. Видно, ей тяжело было стоять, поэтому она торопилась найти опору под свое мягкое место. В спешке подол платья задрался, обнажив больше чем наполовину крепкие загорелые бедра. Красивые ноги, стройные, сильные. Хотел бы Гарик провести по ним рукой... Хотя бы просто провести...

— Вспомнил, где меня видел? — насмешливо глянув на него, спросила Инга.

— Нет, — пожал плечами.

— Зато сейчас видишь... Ты извини, что так поздно.

— Да нет, нормально...

— Устала я что-то, отвыкла от каблуков... Можно на туфли сниму?

Избавляясь от обуви, она приподняла ногу, отчего подол платья еще больше сполз вверх по бедру. Гарик боялся пошевелиться, как будто неосторожное движе-

Отпусти браткам грехи

ние могло всполошить ее и призвать к целомудрию. Он очень не хотел, чтобы она оправила платье.

— Загуляла старая вешалка, — в самоироничном тоне, но совсем не весело сказала она.

— Кто загулял?

— Я загуляла. Старая вешалка.

— Ну как же вы старая?

Гарик осторожно обошел машину, занял водительское место. Краем глаза глянул вправо-вниз. Подол платья все так же задран, ноги слегка разведены в стороны.

— Ну, ты же со мной на «вы», значит, старая, — с тусклой улыбкой сказала она.

— Зачем на «вы», на «ты»... И где ты гуляла?

— Уже лучше... — поощрительно глянула на него Инга. — А где гуляла? Да так, просто по улице прошлась... Бес в ребро клюнул. Маринку спать уложила, накрасилась, надела лучшее платье... э-э, выпила для храбрости...

— Для храбрости? А кого бояться?

— А то ты не знаешь. У вас же район бандитский...

— У кого это у нас? Сама здесь живешь...

— Я недавно здесь. Квартиру от бабушки получила, в наследство. А до этого в Ленинграде жила, на Невском проспекте. В коммуналке, правда, но все равно в сто раз лучше, чем здесь...

— Ну и оставалась бы там, чего сюда приехала? — недовольно спросил он.

Инга угадала его настроение.

— А ты что, обижаешься? — удивилась она.

— Нет.

— Да ты не обижайся, я же не со зла... Ты когда-нибудь был в Ленинграде?

— Нет.

— Там сейчас белые ночи, а здесь в десять уже темнеет. Не люблю темные ночи... А ты Гарик, правильно?

— Гарик, — кивнул он. — А Маринка — это кто, дочка твоя?

— Дочка.

— А папашка где?

— Смотри, какой любопытный! — заигрывающе возмутилась она.

— Извини.

— Ладно... Не бойся, ее папашка сюда к нам не придет.

— Да я и не боюсь.

— Знаю, что не боишься. Тебя самого бояться надо.

— Зачем меня бояться? — огорченно спросил Гарик. — Я что, страшила?

— Да нет, не страшила. Довольно-таки интересный парень... Что это у тебя такое?

Она повернулась к нему, боком опершись о жесткую спинку сиденья. Двумя пальцами провела по синяку под его правым глазом. Прикосновение нежное, пьянящее. Гарик ощутил сильный толчок внутри себя.

— Фонарь, — усмехнулся он. — В нагрузку к фарам. Дополнительное освещение.

— Хорошая у тебя машина. Багги?

— Багги.

— А не прокатишь?

— Эх, прокачу! — весело подмигнув Инге, улыбнулся Гарик. И, вспомнив, что машина открытая, спросил: — А не замерзнешь?

— Если не согреешь, то да, замерзну! — кокетливо повела она глазками.

Он понимал, что женщина ждет от него решительных действий.

— И как тебя согреть?

Отпусти браткам грехи

— Можно спиртом, — игриво хихикнула она. — По-средством внутреннего применения.

— А как насчет растираний? — спросил он.

И положил руку ей на коленку.

— А спирт у тебя есть?

Она не стала отбрасывать его руку, лишь вяло дернула ногой, без всякого на то желания призывая к скромности.

— Нет. Но я знаю, где взять...

Денег у него не было, но на точке, где торговали самогоном, ему не откажут, дадут в долг.

Ничего из спиртосодержащего у Гарика не было, зато имелась старая потертая брезентовка, которую он набросил на плечи женщине, которую уже мысленно считал своей.

— Спасибо!

Она поежилась, закутываясь в куртку.

— Можно ехать? — спросил он, открыв ворота.

— Полный вперед!

Он не стал прогревать мотор и газовать не стал, чтобы не шуметь чересчур. Как бы не спохватилась Инга, что ее дочь может проснуться... Но нет, похоже, о доме она и не думала. Голова поднята, глаза сощурены, чтобы не задувал в них воздушный поток. Сиденье жесткое, дорога колдобистая, но ей все равно...

— Как ты? — закладывая вираж, спросил он.

— Вот, новый поворот! — восторженно запела она. — И мотор ревет, что он нам несет?..

Багги на скорости несся по темным улицам частного сектора. Еще немного, и будет дом, где в любое время дня и ночи можно раздобыть первач. Гарик начал притормаживать.

— Не надо! Гони! — потребовала Инга.

— А как же растирания?

— И без того хорошо!

Она сидела, безвольно свесив руки, запрокинутая голова болталась в такт движения. Глаза слишком широко раскрыты, на губах неестественная улыбка. Гарик смекнул, что в женщине всколыхнулись «старые дрожжи», ее развезло и она сильно пьяна.

Жилой квартал закончился, машина неслась по загородному проселку. Инга молчала, невменяемо улыбаясь ночному небу. С рычага коробки передач Гарик переложил руку ей на коленку. Женщина не возмутилась, более того, шире раздвинула ноги...

Крутой съезд, тряская дорога через пшеничное поле, пролесок, пустынная полянка на изгибе реки. Гарик остановил машину, заглушил мотор. Где-то рядом шептала река, в поле свистели сверчки, но парень слышал только, как шумит в ушах пульсирующая кровь.

Ничего не говоря, Инга сама вышла из машины, подняв вверх руки, развела их, будто пытаюсь обнять ночь, но пошатнулась. Она бы упала, если бы Гарик не помог ей сесть. Трава еще сухая, и земля не успела остыть после вчерашнего уже солнца. Но все же он подстелил под женщину брезентовку, когда укладывал ее на спину.

— Зачем? — спросила она.

Глаза у нее были закрыты — как у страуса, собравшегося сунуть голову в песок. Она знала, что собираются делать Гарик, понимала зачем и не хотела сопротивляться.

— Затем...

Она лишь изнеженно улыбнулась, когда он полез к ней под юбку. И даже сама распахнула ноги, согнув их в коленях...

У Гарика были женщины, но ни одна из них и близко не могла сравниться с Ингой. Все молодые, но все такие страшные, что вспоминать не хотелось. Инга уже в годах, но какое у нее лицо, какое тело... И как прият-

Отпусти браткам грехи

но гладить ее живот, бедра; кожа нежная, чуть влажная... Но почему не пробуждается в нем вулкан? Магма не закипает, жерло не разбухает и не твердеет...

Гарик запаниковал. И так, и эдак, но ничего, вяло и мало. В конце концов Инга поняла, что у них ничего не выйдет. Отталкивать его не пришлось, он сам поднялся.

— Может, руку подашь? — насмешливо спросила она.

Он помог ей подняться.

— Ну хоть это, и то хорошо...

Гарик обиженно промолчал. Сел в машину, закурил.

— Ничего, в первый раз так бывает, — иронично сказала Инга.

— Не в первый... — буркнул он. — Просто выпил много.

— А-а... Домой меня отвези, холодно что-то.

Всю дорогу она сидела, закутавшись в брезентовку, и молчала. Хоть бы раз взглянула на него, улыбнулась... Гарик также безмолвствовал. Обида не давала покоя. Лучше бы его в драке сегодня убили, чем терпеть такой позор...

ГЛАВА 3

Багги — послушная машина. Но на выходе из крутого поворота, на реактивном разгоне расслабляться ни в коем случае нельзя. Задние колеса пытаются обогнать передние, чуть зазевался — и все, встреча с кюветом тебе гарантирована... А поворот очень крутой, скорость огромная, машину трясет немилосердно. Гарик успел скорректировать руль, смог удержать багги на «газу». И едва не врезался в машину, шедшую впереди него. Справился с управлением, обошел соперника...

— Задолбешься пыль... — начал было сидевший ря-